

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА: ПУТИ ВЫХОДА

Зиневич А.С., г. Одесса,

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова

Мы привыкли говорить о травме, как о том, с чем следует бороться, преодолевать, что сковывает и блокирует устремленность в будущее, рассматривать её как угрозу, преследующую по пятам всю жизнь, приковывающую к прошлому. Но оставаясь в этой плоскости, где человек предстает перед нами один на один с травмой, своим прошлым, требованием будущего – мы вряд ли найдем действительную возможность её преодоления.

Здесь самое время разобраться в том, что же такое травма. Если понимать под ней то, чего человеку так не хватало, он так ждал, а оно не случилось – мы «демистифицируем» травму как самостоятельное, автономно-действующее образование. Именно как таковое, оно парализует человека своей вселенской величиной, наделяется роковым смыслом. Человек «приклеивает» себя к прошлым событиям, как Макбет, который поработен случившимся. Но в данном случае важно не что случилось, а что не случилось, «недо-событие» и что это такое; все остальное – завеса и вымысел.

Гаптономические исследования Катарины Дольто, продолжившей дело своей матери Франсуазы Дольто, дают основание полагать, что «запрет поместиться в динамику жизни» исходит из характера еще предродовых взаимоотношений матери со своим плодом. Как бы то ни было, взрослым людям требуется «очень сильный призыв к их витальной интенциональности в аффективной безопасности для того, чтобы они осмелились на движение» (К. Дольто: «На путях рождения»). «...В обменах, означающих саму жизнь (что я отличаю от выживания), он может развиваться как настоящий другой, развивая чувство базовой безопасности, опору его психоаффективной конструкции» (К. Дольто, там же). Основным нарушением этих обменов является запрет на жизнь, на радость, исходящий из «закрытого поля депрессии» матери, приводящий к замыканию в «смертоносной диссоциации». Поэтому, в зрелом возрасте жизненно важным оказывается именно «совместное движение» (и «разделенная аффективность»), в котором «открывается

дорога к жизни, где обмены более не отягощены материнским запретом» (там же).

Что же удерживает уже взрослого человека в этом заколдованном кругу? «...постоянная сумасшедшая надежда, что однажды ей станет лучше, и она позволит, чтобы жизнь стала движением» (К. Дольто, там же). На самом деле потрясающие по своему драматизму слова, приводящие к жутким последствиям – когда испытать радость бытия означает предательство матери.

По Хайнцу Кохуту, существуют три основные потребности, составляющие, фундамент самости. Вот как они звучат с точки зрения экзистенциальной терапии (цит. по М. Грабе: «Духовность в психотерапии»; ж. «Экзистенциальная традиция» № 15):

а) потребность в отражении: «человек должен чувствовать, что он для кого-то значим»;

б) потребность в идеализации: «наличие кого-то, кто является для тебя действительно хорошим человеком»;

в) потребность в равноправии: «возможность принадлежать к какому-либо сообществу», которая может быть понята как еще более, по нашему мнению, фундаментальная – потребность в сопричастности.

Христианские психотерапевты считают, что в случае их неудовлетворения, они замещаются потребностями во власти, борьбе и наживе, и что, по-настоящему, компенсировать их может Бог – дарующий ощущение того, что ты ему нужен, он тебя любит, вы вместе, и уж конечно – он для тебя Идеал. «Благодаря вере человек может вернуться к этим основополагающим потребностям. Он может присоединиться к той силе, которая поможет ему быть самим собой и обрести то, что он потерял в результате жизненной борьбы» (Мартин Грабе, там же).

Но, даже в библейских сказаниях, Бог, размышляя, как бы обратиться к молодому пророку, не напугав его, и чтоб он ему поверил, решил заговорить с ним голосом отца. И очень важно, во всех смыслах, это сближение: Бога и Отца. Возможно ли рождение этой общности без опыта причастности к реальному значимому другому? Наш ответ – невозможно. И вот тут, психотерапевт и выполнит роль реального другого, который позволит почувствовать «реальность твоей самости», отнесясь к тебе, как к самостоятельному, по своим законам существующему миру, попросту другому – но не чужому.

Дональд Винникот и Скотт Пэк тут сходятся во мнении на счет важности переноса. В отличие от психоанализа, они считают «перенос» (а на самом деле любовное отношение, в полном смысле этого слова, возможно, впервые переживаемое клиентом), – главным орудием терапии.

В чем же заключается демистификация травмы? Теперь очевидно, что она происходит вовсе не в процессе саморефлексии, строгой, холодной и трезвой, не в ходе отстраненного анализа, - а как раз, под влиянием просыпающейся веры в свою нужность, а значит реальность. Демистификация означает отказ от борьбы. Борьбы, длящейся с момента испытания отчуждения от родителей. И с этой новой позиции, человек, при всей реальности своей раны, способен вдруг на сочувственное отношение к тем значимым другим, что недодали ему, и к себе тому, - одинокому и загнанному, «недостойному». И в этом – подлинная победа. Ты больше не один на один с травмой. И больше незачем бороться.

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Зубкова Т.С., г. Н. Каховка, Университет «Украина»

Проблема агрессивности детей является крайне актуальной для современного общества. Рост агрессивных тенденций, распространение насилия и жестокости, отмечаемые в детской среде, вызывают озабоченность педагогов и родителей. Особое беспокойство вызывает культ насилия на экране, демонстрация моделей агрессивного поведения в средствах массовой информации, а также увлеченность современных детей видео и компьютерными играми.

С проблемой агрессивного поведения детей, так или иначе, сталкиваются родители, педагоги, психологи. Агрессивное поведение детей - это не просто тревожное явление, а весьма серьезная социальная, педагогическая и психологическая проблема. Агрессивные дети драчливы, легко возбудимы, раздражительны, обидчивы, несговорчивы, упрямы, враждебны к окружающим. Их отношения с близкими, сверстниками и педагогами всегда напряжены и амбивалентны. Учителя, работающие в школах, отмечают, что агрессивных детей с